Ապարանյան անեկդոտներ

Ապարանցին գորգը տանում է լվանալու, հարցնում է.
- Ինչքանո՞վ եք լվանում:
- Քառակուսին՝ 200 դրամով:
- Իսկ կլո՞րը…

❋ ❋ ❋

Հիվանդանոցի գլխավոր բժշկի զեկուցումից.
- Այցելուները հիվանդների մոտ են սողոսկում վեցերորդ հարկի պատուհանից: Այդ պատճառով էլ այցելուների թիվը պակասում է, իսկ հիվանդներինը՝ ավելանում:

❋ ❋ ❋

- Էրեկ կնգաս բռնացրեցի էն գերմանացու հետ:
- Ու ի՞նչ ասիր:
- Ինչ պիտի ասեի… դպրոցում անգլերեն ենք անցել…

❋ ❋ ❋

- Մեցադրյալ, ինչո՞ւ եք այդքան ստում:
- Քիչ հարց տուր, ես էլ քիչ կստեմ…

❋ ❋ ❋

Գյուղակադեմիայում՝ քննության ժամանակ.
- Ասա խնդրեմ, հնարավո՞ր է կովին աբորտ անել, - հարցնում է դասախոսը ապարանցի ուսանողին:
Վերջինս զարմանքով նայում է դասախոսին:
- Համա թե պատմության մեջ ես…

❋ ❋ ❋

Ապարանցուն հարցնում են.
- Ի՞նչ կոմպոտ ես սիրում:
Պատասխանում է.
- Երեք լիտրանոց…

❋ ❋ ❋

Ապարանցին մտնում է եկեղեցի: Տերտերն ասում է.
- Մոմ տա՞մ, վառես:
- Չէ, լավ է, ես բատարե ունեմ:

❋ ❋ ❋

Հանդիպում են երկու ապարանցի.
- Գուրգեն, քաչալին գիտե՞ս:
- Գիտեմ:
- Էրեկ գլխին ութ պատրոն են կրակել:
- Հետո՞:
- Հեչ, բժիշկն ասումա կապրի, ուղեղին չի կպել…

❋ ❋ ❋

Ապարանցուն հարցնում են.
- Առաջ «գալուբոյներ» կայի՞ն:
- Ոնց չէ, հիշում եմ, հայրս ասում էր «Հիտլեր կապուտ, Հիտլեր կապուտ»:

❋ ❋ ❋

Ապարանցուն հարցնում են.
- Որ ամիսն ես սիրում:
Պատասխանում է.
- Մեղրամիսը:

❋ ❋ ❋

Ապարանցին մի օր էշին լավ ծեծում ա: Մի մարդ ա անցնում, ասում ա.
- Էդ խեղճ կենդանուն ընչի՞ ես ծեծում:
- Բա մի շաբաթ ա կորել էր:
- Է, դրա համար խեղճին ծեծո՞ւմ ես:
- Արա, ես էլ վրեն էի:

❋ ❋ ❋

Ապարանցուն ասում են.
- Անտառը տեսնո՞ւմ ես:
- Չէ, ծառերը խանգարում են:

❋ ❋ ❋

Ապարանցին գնում ա արյուն տալու, հարցնում ա ի՞նչ արժի, ասում են 100 գրամը 20 դոլար:
Ապարանցին ասում ա:
- Դե մի 1000 դրամի մեջը թողեք, տուն հասնեմ:

ВОСПОМИНАНИЯ

Возвращение в Нахичевань

Писательница Вардуи Халпахчьян

Мой отец, Оганес Хачатурович Халпахчьян, родился и вырос в Нахичевани–на–Дону, в доме, в котором, насколько мне известно, прошла жизнь двух, а то и трех поколений одной семьи – потомков Гукаса и Алмаст Халпахчи, переселившихся в XVIII веке из Крыма, предки которых были, в свою очередь, переселенцами из Ани. К началу XX века, когда родился мой отец, такая особенность судьбы армян уже не представлялась характерной лишь для прошлого: события 1880–1890–х годов в Турции были зловещим предзнаменованием.

Увы! XX век в самом деле оказался веком трагических переселений – и не только для армян. Эмиграция, изгнание, ссылка, бегство стали нормой существования, а такие понятия, как оседлость, коренная принадлежность к определенной территории, практически исчезли из обихода.

Папа был вторым ребенком, а после него родилось еще три брата. Мне кажется, что и для живущих в России армян важным виделось сохранить преемственность поколений. Мне пришлось задуматься об этом, когда в 2007 году в Москве готовились отмечать 100–летний юбилей отца. Армянская община Москвы под руководством культурно–просветительского общества «Арарат» устраивала торжественное собрание, а Российская академия архитектуры и строительных наук – четырехдневную международную научную конференцию. Я решила выступить на собрании с краткой биографией юбиляра. Задача была для меня далеко не простой!

С начала 1980–х годов я жила в Италии, навещая родителей в Москве каждый год. А когда их не стало, доверила свое московское имущество, которое включало и папину уникальную библиотеку по истории армянской архитектуры, рукописи двух его неопубликованных книг («Национальное и интернациональное в армянской архитектуре» и «Архитектура армян Крыма») и его личный архив, людям, которым верила и которые, по моим представлениям, не менее моего чтили память моих родителей. Увы, люди эти обманом лишили меня всего, даже крыши над головой. Бывая в те годы в Москве, я жила там и сям, у верных друзей и у родни. И тогда–то, разбирая помещенные в разных местах остатки бумаг, выброшенных мошенниками из ящиков папиного письменного стола, я обнаружила, что мне необходимо осознать то, что произошло.

Папин бывший письменный стол, сколько себя помню, был главным предметом нашего семейного жилья; когда–то принадлежал моему прадеду; в 1925 году он был вывезен из Нахичевани в Ереван, а затем, в 1947 году, перевезен из Еревана в Москву. Теперь этот стол утерян для меня – но папа, казалось бы, предвидел такую возможность: среди его бумаг я обнаружила составленную им биографическую канву его жизни – вроде бы по заказу Большой советской энциклопедии, а на самом деле, как поведала мне многолетняя папина сотрудница и давний друг нашей семьи, – для семьи, для внука. И вот так сохранилось то, что оказалось не под силу уберечь сначала каменным стенам семейного дома, а потом дубовым ящикам стола: преемственность, «дней связующая нить», доверенная на сохранение словам.

Изложение велось от первого лица, но очень сдержанно и отстраненно, как разговор «на людях»: учеба в родном городе, поступление в университет в Ереване и работа на строительстве ереванского Дворца Советов (ныне – Театр оперы и балета им. А.А. Спендиарова); затем – увлечение историей армянской архитектуры, учеба в аспирантуре Москов–ского архитектурного института; несостоявшаяся из–за начала войны защита диссертации; участие в 1944 году в восстановлении Киева; потом снова Москва и начало работы во вновь организованном Институте теории и истории архитектуры. Отсюда автобиография становится рассказом об этапах исследований и о руководстве научной работой своего отдела. Совсем ничего нет о самом личном: о детских годах и о войне, где было тяжелое ранение, немецкий плен и побег из него. О том и о другом папа в семье почти никогда не говорил.

Мне захотелось, чтобы мой рассказ тоже был от первого лица; хотелось проникнуть в нерассказанное и поделиться тем, что я для себя осознала. Необходимо было побольше узнать о Нахичевани – не только потому, что время, прожитое там, как мне открылось, было единственным беззаботным периодом жизни моего отца, но и потому, что это была как бы жизнь, к которой он был предназначен и которая была у него отнята: после 1917 года пошли чередой кровавые события гражданской войны на Дону, а затем – страшные бедствия советского времени. Кто этого не знает! Понятие «жить» означало, что тебя пока еще не убили. Дедушку как главу семьи регулярно арестовывали и требовали выкупа; младших братьев не допускали даже в начальную школу.

Я вспомнила,что уроженцем Нахичевани был и знаменитый итальянский художник Григорий Шилтян. Как–то давно мне рассказывала о нем в Ереване папина старшая сестра, моя любимая тетя Вера (Вирсавия Христофоровна/Берсабе Хачатуровна, в замужестве Шакарян). В детстве она сидела за одной партой с младшей сестренкой будущего художника. В 1960 году Шилтян приезжал в СССР, где встречался с сестрой, и в Ереване об этом много говорили. В Ростов, покинутый им в 1918 году, художник не съездил. Я знала, что Шилтян написал в Италии автобиографическую книгу. Он писал по–русски, но книга вышла на итальянском в 1963 году и почти сразу стала библиографической редкостью. Мне удалось разыскать ее. С каким же вниманием, исполненным благодарности, проникала я в мельчайшие подробности нахичеванской жизни, которые ярко осветили и мои воспоминания о редких рассказах папы и более частых – тети Веры, оживили семейные фотографии, которые, к счастью, мне удалось спасти! Папа рассказывал так мало, может быть, в глубине души опасаясь, что живые воспоминания, став изложенными, рискуют превратиться в беллетристику. Теперь бы его порасспрашивать, уже имея свой жизненный опыт…

Мне предстояло воссоздать искомое самостоятельно. То, что получилось и стало моим, теперь – часть и моей биографии.

И с тех пор почти пять лет я мечтала посетить Нахичевань и примерить ее на себя.

Тем временем мой интерес к жизни и творчеству Григория Ивановича Шилтяна перешел на другой уровень. Выяснилась необходимость систематизации данных, учета его произведений. Очень востребованный портретист, автор натюмортов и тромплеев, он много работал по частным заказам. Среди его работ есть картины не только не опубликованные, но и просто неизвестные, как, например, портреты семьи князя Монако Ренье III (отца нынешнего князя Альбера). Важным представляется мне переиздание автобиографии художника в Италии, еще более нужным – публикация ее перевода в России.

В 2009 году я участвовала в Москве в работе конференции «Четвертые Лазаревские чтения по истории армян России». Здесь я познакомилась с коллегами–историками –

С.М. Саядовым, предпринявшим грандиозный труд по изданию энциклопедии «Хаязг», и с профессором С.С. Казаровым. Оба они оказались ростовчанами! С коренным нахичеванцем Саркисом Суреновичем Казаровым, который был знаком с моим папой, мы состоим с тех пор в переписке.

У меня дома в Италии давно висит на стене плакат – воспроизведение «землемерного плана» Нахичевани. Его подарили папе в 1980–е годы, когда, после долгих лет отсутствия, он начал регулярно ездить в Ростов–Нахичевань. Я только теперь понимаю, почему так вышло: от его родного дома не осталось ничего, могилы его предков были уничтожены вместе со всей старой территорией нахичеванского кладбища. Не к кому и не к чему было ехать: ни мест, ни людей, ни могил.

Мне помнится, что все началось с письма из Ростова–Нахичевани: храму Сурб Хач угрожали сносом, и папа сделал, что мог. Что именно – я не знаю, но храм стоит до сих пор. Папа стал ездить в Ростов, один и с супругой, пока хватало сил – с лекциями и сообщениями, а затем для работы в городских архивах. Его книга «Архитектура Нахичевани–на–Дону» была опубликована в 1988 году в Ереване. Оказывается, в последний год своей жизни папа сказал Саркису Суреновичу Казарову, что многое бы дал, чтобы еще хоть разок увидеть родную Нахичевань. Нам с мамой он бы такого не сказал: никогда бы не сознался, что силы оставляют его. Но Нахичевань была его, его и других нахичеванцев, которых он помнил, и тех, которых обрел.

И вот в конце мая этого года и я приобщилась к этой земле. Просто так приехать – было бы не совсем то! Я приехала для участия во Всероссийской научной конференции «Армяне юга России: история, культура, общее будущее», организованной главными научными и культурными институтами края, и привезла доклад о Григории Шилтяне и его книгу в дар историческому музею.

В Нахичевань я отправилась не сразу. И город постарался для меня изо всех сил: увлек, показал свои вверх–вниз протянувшиеся уютные улицы, обсаженные деревьями. С помощью всех, кто ходил со мной по Нахичевани, я увидела ее такой, какой она была сотворена тремя веками своей истории. При регулярной застройке с каждого перекрестка линий вид был свой, особый, в силу уникального рельефа местности, близости Дона, общей соразмерности всех построек. Какими бы богатыми и красивыми ни были дома вдоль линий, сохранялся общий строй жилых кварталов. Тем замечательнее смотрелись большая площадь, рынок и удивительно красивый театр! И какое все настоящее! Особенно по контрасту с пустой формальностью фальшивого идола: вряд ли Карл Маркс мог предполагать, что когда–то ему придется торчать жалким истуканом в ни в чем перед ним не повинном городе, построенном армянами на юге России!

Еще мне сразу вспомнилось то, как, впервые приехав ко мне в Италию, папа сразу увидел у нас велосипеды – и потом все время с восторгом колесил по нашему старинному городку. Я впервые видела отца на велосипеде – и с удивлением обнаружила, какой он замечательный велосипедист! Это у него тоже от Нахичевани: человеческие масштабы зданий, расчитанные на человеческий шаг улицы, подъемы–спуски, усилие–разрядка – все это так и просится под велосипед – самое гуманное и соизмеримое человеку вспомогательное средство передвижения! Нахичевань – велосипедный город.

Советский режим, оказывается, лишил нас еще и ощущения места нашего рождения. Место рождения советского человека – просто произвол судьбы, а не дар ее, как семья, как имя собственное; прописка, приписка, принудительное прикрепление. Это тоже входило в странное наше ощущение родины – была такая советская присказка: «Меня не мать родила, меня родила мачеха».

С обретением Нахичевани ко мне вернулось забытое в перипетиях последних лет детское чувство, ощущение того, что значит «быть дома». Для меня это была незабываемая атмосфера нашего тесного жилья в коммунальной квартире в Москве, наполненного вещами из нахичеванской жизни, ее живого быта, мои самые первые воспоминания о себе самой. Первое, что я видела утром, открыв глаза, был узор лепного потолка нашей замечательной комнаты в Потаповском переулке, из центра которого свисала люстра, когда–то висевшая в нахичеванском доме, а последнее – свет зеленого абажура папиной (а когда–то – дедушкиной) настольной лампы на его письменном столе, с бронзовой фигуркой бога Меркурия (подарок нахичеванской купеческой гильдии).

Так же «дома» ощущала я себя и в ереванской квартире тети Веры, куда мы неизменно наезжали каждым летом. Папа ездил по Армении, обмеряя церкви, а я бегала с ребятами во дворе, где женщины сообща мыли и взбивали шерсть из зимних одеял, а потом варили варенья в больших медных тазах на железных треногах. Но внутри, в квартире, все было как у нас в Москве, плюс постоянные рассказы тети Веры «о бабусе и дедусе», которых я не знала. И как ей помогали вещи, которые были, как я теперь понимаю, самыми обыкновенными для своего времени и места кроватями, столами, шкафами и всякими безделушками – они и были драгоценны именно своей обычностью и «настоящестью». Мне казалось, что их очень много, что тот быт был очень богатым образно. На самом деле это, скорее всего, было только то, что находилось на момент последнего, окончательного отъезда из родного города в «их» комнатах уплотненного дома. Но какое впечатление производило все это на меня, выросшую в период, когда, по выражению Б. Пастернака, «господство материализма лишило мир материи»!

Вещи помогали тете Вере рассказывать, подсказывали. Общение с тетей Верой – тоже их заслуга. С троими младшими дядями у меня такого не было: им неоткуда было занимать крылья, они были уже ровесниками революции, и если и могли что–то помнить, то лишь разорение и бесчеловечность. И папина квартира в Москве, и тети Верина в Ереване сейчас разграблены и разорены – но тем, что их составляло, навек будет владеть душа.

Я обязана художнику Григорию Ивановичу Шилтяну и попробую отблагодарить его тем, что верну Нахичевани его воспоминания: музею вручен экземпляр его книги – надеюсь, что она выйдет в его родном городе и по–русски. Благодарю от души и Никиту Георгиевича Дюргерова, родственника художника и хранителя ценных документов, которыми он со мной щедро поделился.

Я обязана всем организаторам конференции и отдельно Сергею Михайловичу Саядову и его сотрудникам. Благодарю за душевный прием Кристину Казарян и молодых сотрудников фонда «Апага», показавших нам город и армянские села вокруг него. Огромное спасибо Акопу Хатламаджияну, краеведу и просветителю, который подарил мне кусочек моей истории: нахичеванец, композитор Илья Калустович Шапошников, вполне вероятно, – одних корней со мной.

Папа не признался в своей книге, что там, на рис. 42, воспроизведена фотография, единственная сохранившаяся, его родного дома: № 16 по 22–й линии. Саркис Суренович Казаров показал мне список нахичеванских домов и их домовладельцев 1912 года: там, кроме «дома Халпахчиева Ованеса» (моего прадеда) значится, под № 6, еще и «дом Халпахчиева Каспара» (мне вовсе неизвестного). Именно этот дом я приняла поначалу за «наш»: то, что от него осталось, поразительно похоже на дом на фотографии. Возможно, это были дома двух братьев, одинаковой постройки.

«Картинка на стене» в моем доме ожила. Спасибо всем вам, кто встретил меня в Нахичевани. Теперь это прошлое моей семьи – часть моего будущего. А у меня есть сын, Ованес.

Вардуи ХАЛПАХЧЬЯН